

УДК 81.373

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-179-190

«Сожженный луной тополек»: дендронимы с негативными коннотациями в лирике А. А. Ахматовой

Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова ✉, О. Н. Матвеева

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, Воронеж, Россия

✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации конструкций с упоминанием деревьев (дендронимов) с негативными коннотациями в лирике А. А. Ахматовой. Реконструируется индивидуально-авторская модель восприятия мира растений, воссоздается образ дерева как медиатора, осуществляющего связь между «живыми» и «мертвыми», «верхним» и «нижним» мирами. Определяются комплексы негативных коннотаций, интерпретирующих традиционные значения дендронимов в контексте индивидуально-авторского восприятия с учетом частотности употребления тех или иных фитонимов; выявляется лексико-грамматическая специфика текстового отображения окружающего мира через дендронимы. Выделяются основной инструментарий смысловой интерпретации образа дерева через системы «метафоризация природы» и «психологический пейзаж». Систематизируются приоритеты в трактовке традиционной символики деревьев и кустарников через комплекс устойчивых тем и мотивов: деформация любовного чувства, рефлексия после расставания, образ болезни как негативного эффекта разрыва между миром человека и миром природы, образ смерти, образ войны. Выделяются основные моменты употребления дендронимов: психоэмоциональный, географический, биографический, существующие в рамках негативных оценочных конструкций, дается классификация флористической лексики, подробно рассматривается лексико-семантическая группа «Деревья и кустарники». Систематизируется различия в интерпретации и употреблении различных подгрупп дендронимов: «Дикорастущие деревья и кустарники», «Плодоносящие деревья и кустарники», подтверждается тезис о преимущественно урбанистическом пейзаже в лирике А. А. Ахматовой, интерпретирующем пространство сада, парка, усадебной парково-ландшафтной архитектуры. Делаются выводы об индивидуально-авторской модели художественного мира с учетом конструкций, содержащих в составе номинации деревья и кустарники, выделяются основные тенденции функционирования флористической лексики в поэтическом тексте с учетом уровня метафоризации фитонимов и концепта «психологический пейзаж», транслирующего чувства и эмоции персонажей через наименование растений в художественном тексте.

Ключевые слова: номинация, символ, метафора, негативные (пейоративные) коннотации, фитонимы, дендронимы, образ, язык цветов, лексико-семантическая группа, индивидуально-авторская картина мира.

Для цитирования: Папшева Г. О., Голубцова Н. В., Матвеева О. Н. «Сожженный луной тополек»: дендронимы с негативными коннотациями в лирике А. А. Ахматовой. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 179–190. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-179-190

“Little poplar burned by the moon”: dendronyms with negative connotations in the lyrics of Anna Akhmatova

G. O. Papsheva, N. V. Golubtsova ✉, O. N. Matveeva

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Voronezh, Russia

✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the representation of structures mentioning trees (dendronyms) with negative connotations in the lyrics of Anna Akhmatova. The author's individual model of perception of the plant world is reconstructed, the image of a tree as a mediator is recreated, making a connection between the “living” and “dead”, the “upper” and “lower” world. The complexes of negative connotations interpreting the traditional meanings of dendronyms in the context of individual author's perception, taking into account the frequency of use of certain phytonyms, are determined; the lexical and grammatical specifics of the textual representation of the surrounding world through dendronyms are revealed. The main tools of semantic interpretation of the image of a tree through the systems of “metaphorization of nature” and “psychological landscape” are highlighted. The priorities in the interpretation of the traditional symbolism of trees and shrubs are systematized through a complex of stable themes and motifs: the deformation of a love feeling, reflection after parting, the image of illness as a negative effect of the gap between the human world and the natural world, the image of death, the image of war. The main points of the use of dendronyms are highlighted: psychoemotional, geographical, biographical, existing within the framework of negative evaluative constructions, a classification of floral vocabulary is given, the lexico-semantic group “Trees and shrubs” is considered in detail. The differences in the interpretation and use of various subgroups of dendronyms are systematized: “Wild trees and shrubs”, “Fruit-bearing trees and shrubs”, the thesis of a predominantly urban landscape in the lyrics of Anna Akhmatova is confirmed. It describes the space of a garden, park, manor park and landscape architecture. Conclusions are drawn about the individual author's model of the artistic world, taking into account the structures containing trees and shrubs in the nomination, the main trends in the functioning of floral vocabulary in the poetic text are highlighted, taking into account the level of metaphorization of phytonyms and the concept of “psychological landscape”, which expressing the feelings and emotions of characters through the name of plants in the fiction text.

Keywords: naming unit, symbol, metaphor, negative (pejorative) connotations, phytonyms, dendronyms, image, floriography, lexical-semantic group, author's vision of the world.

For citation: Papsheva G. O., Golubtsova N. V., Matveeva O. N. “Little poplar burned by the moon”: dendronyms with negative connotations in the lyrics of Anna Akhmatova. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 179–190. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-179-190

Введение

Человек в мире поэтических метафор часто предстает как неотделимая часть природы: он и бунтующее блудное дитя, и смиренный сын, покорно внимающий зрелищу разворачивающейся мистерии жизни. Зачастую применительно к литературе понятия «человек» и «природа» тесно переплетены: чувства лирического героя транслируются в окружающий мир, окружающий мир входит в мысли и думы субъекта как его составная часть. Разрыв между этими составляющими воспринимается как трагическая невосполнимая трагедия мироздания. В таком контексте взаимосвязь человека и природы приобретает не только экологический, но и философский, эстетический, этический смысл.

Таким образом, отдельные детали пейзажа, природные явления в поэзии используются в качестве сравнений, метафор, символов для воспроизведения душевных переживаний героя, что, в свою очередь, создает сформированное и активно функционирующее семантическое поле, генерирующее традиционные значения и смыслы, предписываемые тем или иным объектам живой природы [10, с. 422].

В качестве примера устоявшейся знаковой системы можно привести викторианский язык цветов (флориографию), служивший тайным способом общения в эпоху табуирования открытого выражения чувств и эмоций. Исследования лексических единиц, упоминающих объекты растительного мира (фитонимы), неизбежно упоминают и этот куртуазный язык [11, с. 11]. Однако не следует отрицать, что каждый писатель, решая задачи художественного произведения, проводит своеобразный отбор концептов, тем самым формируя свое собственное, авторское видение мира природы, отличное от традиционных значений. Процесс этот подсознательный, обусловленный множеством причин: тематикой и проблематикой произведения, индивидуально-авторской манерой, биографическими и личностными характеристиками творца. Выяснение связей конкретных лексико-семантических элементов, характер и уровень трансформации общепринятых трактовок позволяют составить представление о художественной картине мира автора [7, с. 214].

Таким образом, конструкции с упоминанием растений (фитонимы) и их разновидность (дендронимы), реализуемые в дискурсе как элемент пейзажа или как индивидуально-авторский метафорический образ, позволяют обосновать актуальность данного исследования, цель которого состоит в реконструкции лексико-семантических особенностей функционирования образа дерева через комплекс негативных коннотаций в лирике А. А. Ахматовой.

В качестве основной проблемы исследования выступает попытка воссоздания «психологического пейзажа», в котором словоформы, обозначающие представителей деревьев и кустарников, выступают в качестве медиаторов психологического состояния лирического героя, а также воссоздают индивидуально-авторскую систему метафорических образов, иллюстрирующих философские аспекты мировоззрения поэта.

Цель исследования состоит в описании и систематизации конструкций с упоминанием деревьев и кустарников с позиций структурно-семантического своеобразия в поэзии А. А. Ахматовой.

Цель исследования определяет задачи исследования:

- 1) реконструировать индивидуально-авторскую модель восприятия мира растений как единого целого, воссоздать образ дерева как мистического медиатора, осуществляющего связь между миром мертвых и миром живых;
- 2) отметить количественный и качественный состав биологических видов деревьев и кустарников, а также связанных с ними метафорических образов, функционирующих в поэтическом дискурсе А. А. Ахматовой;
- 3) определить комплексы негативных коннотаций, интерпретирующих традиционные значения дендронимов в контексте индивидуально-авторского восприятия с учетом частотности употребления тех или иных фитонимов;
- 4) выявить лексико-грамматическую специфику текстового отображения окружающего мира, воплощенного в дендронимах в творчестве А. А. Ахматовой;
- 5) выделить основные особенности смысловой интерпретации образа дерева через системы «метафоризации природы» и «психологического пейзажа»;
- 6) систематизировать приоритеты в трактовке традиционной символики деревьев и кустарников через комплекс устойчивых тем и мотивов: угасание и деконструкция любовного чувства, творчество, образ болезни, образ смерти, образ войны.

В работе используются следующие методы: описательно-классификационный, представленный такими приемами, как сбор и рассмотрение, сопоставление, обработка, систематизация и интерпретация материала; структурно-семантический; когнитивный,

включающий концептуальный анализ для выявления признаков концептов, их классификации и интерпретации, классификацию языковых репрезентантов концептов, лингвокультурологический анализ лексических единиц языков, статистический анализ частотности употребления.

В качестве материала исследования послужили дендронимы, разделенные на группы в соответствии с их лексическим значением, в частности «Дикорастущие древесные растения и кустарники», «Плодовые древесные растения и кустарники».

Терминологический аппарат исследования

Предварительно следует уточнить терминологический аппарат, применяемый в данном исследовании, поскольку в терминологической системе различных языков, описывающих ботанические виды, до настоящего времени наблюдается терминологическая синонимия. Существует целый комплекс понятий: «фитонимика», «фитонимическая лексика», «фитолексика», «фитоним», «фитонимическая единица», «фитотермин», «флороним», «фитоморфизм», значение которых слабо дифференцировано. В особенности это относится к терминам фитоним (от греч. «phytonim» – «растение» и «онума» — «имя, название») и флороним (от лат. «floga» – имя древнеримской богини цветов), в сущности, описывающим схожие по значению и контексту лексико-семантические единицы. Термин «флороним» встречается в работах Т. Д. Барышниковой в качестве единицы ботанической терминологии, Н. Б. Кудрявцевой – как обозначение деревьев, кустарников, комнатных и садовых растений, С. С. Шумбасовой – как наименования родовых, видовых, сортовых названий, обозначающих форму растительности (трава, кустарник, дерево, цветок и т.д.) [4, с. 3].

Однако в русскоязычной литературе по большей части преобладает термин фитоним, впервые попавший в поле зрения лингвистического анализа А. В. Суперанской в книге «Общая теория имени собственного» на примере исследования наименований таких растений, как «царский дуб», «дерево плача» [там же]. Следствие чего в работе за научную лексическую единицу принят термин фитоним применительно к моделированию явления окружающего мира в образах конкретных растений.

При этом в данном исследовании задействованы только те фитонимы, видовая принадлежность которых может быть идентифицирована (тополь, липа, яблоня) или имеются в наличии указания на биологическое семейство (хвойные). Таким образом, вне поля исследования остаются недифференцированные лексемы «деревья», «кусты», «лес», «сад».

В исследовании также активно употребляется термин «дендронимы» применительно к конструкциям с упоминанием деревьев и кустарников, с учетом того, что указанные номинации растений могут входить в состав самых разных фразеологических единиц и средств художественной выразительности.

Таким образом, лексико-семантический сегмент «дендронимы», подразумевающий конструкции с упоминанием деревьев и кустарников, в поэтических текстах А. А. Ахматовой функционирует в двух основных аспектах: как составная часть метафоризации фитонимов или как функциональная часть «психологического пейзажа», доступная визуальному (реже – тактильному и обонятельному) восприятию лирического героя.

Критерии исследования заявленных в тексте конструкций с негативными коннотациями можно поделить на две условные группы. Поскольку коннотация базируется на принципах оценочности и эмоциональности, закономерно, что воспроизводимый в поэтическом тексте комплекс эмоциональных реакций лирического героя должен содержать интерпретацию его чувств и психологического состояния, эксплицированную через мир природы. Наиболее явно это происходит через соматизацию и олицетворение природных явлений: «клевер стоял на коленях», «распятый луной тополек тянет к небу распятые руки». В тех случаях, когда в качестве основного художественного приема выступает «психологический пейзаж», не предполагающий прямой оценочности, общее впечатление складывается из контекстуального ряда, деталей, антуража. Например, в стихотворении «Пусть кто-то еще отдыхает на юге» визуальный образ «приземистые ели» сам по себе воспринимается

нейтрально, однако в совокупности с другими деталями: качающийся на ветру вереск, тусклый месяц, похожий на зазубренный нож – создается необходимое настроение тревожности и одиночества.

Однако помимо собственно текстовых маркеров в творчестве А. А. Ахматовой доступны для исследования и метатекстовые. В таких случаях анализ требует обращения к конкретным биографическим фактам, именам, событиям. В таком случае необходимые комментарии исследователь может найти в шеститомном собрании сочинений А. Ахматовой, изданном в 1998 г. и включающем в себя обширный аппарат комментариев, обращающийся к истории создания и публикации произведений. Например, строки «и радостная весть на севере застала» становятся ясны только из контекста и даты создания: в 1962 году А. Ахматова оказалась в списке номинантов на Нобелевскую премию по литературе. В качестве длительного литературного диалога воспринимается стихотворение «Тень», где А. А. Ахматова через сложную систему реминисценций касается имени и покойного собрата по перу О. Э. Мандельштама, и Саломеи Андрониковой, которой Мандельштам некогда посвятил стихотворение «Соломинка».

Однако ряд конструкций с упоминанием дендронимов не требует столько глубоких исследований, достаточно знания биографии поэта. Например, цикл стихотворений о Средней Азии связан с фактом вынужденной эвакуации из блокадного Ленинграда, и в них за картинами гостеприимного и щедрого края чувствуется горечь изгнанника, лишенного родного крова.

Таким образом, оценочность негативных коннотаций может быть выявлена несколькими способами, не исключаящими, а взаимодополняющими друг друга. Во-первых, это собственно текстовый инструментарий, воспроизводящий негативные эмоции и чувства через ряд метафорических и реальных образов, иногда подразумевающих антропоморфизм природных объектов и явлений. Во-вторых, это интертекстуальный контекст, подразумевающий знакомство исследователей с фактами биографии А. А. Ахматовой, кругом ее общения, литературной полемикой эпохи. Второй способ атрибуции требует внимания к дате создания, сопутствующим историческим событиям, иногда дешифровке смыслов, заложенной автором в отдельных образах в рамках поэтического диалога между представителями Серебряного века.

Фитонимическая лексика с негативными коннотациями

Объектом анализа данного исследования выступают выявленные в поэзии А. А. Ахматовой 192 контекстуальных упоминаний, содержащие в структуре значения семантический компонент «дерево», «кустарник», при этом для анализа были отобраны только те дендронимы, которые употребляются с негативными коннотациями. Закономерно, что подобная оценочность характерна преимущественно для поздних периодов творчества. Выявленные словоформы растительной семантики по специфике значения распределяются на две группы: «Дикорастущие древесные растения и кустарники», «Плодовые древесные растения и кустарники». Первая группа существенно превалирует над второй и составляет более 80%, однако следует отметить, что даже в случае активного употребления дендронимов первой группы презентуется прежде всего городской или сельский упорядоченный ландшафт, уже подвергнутый культивации. Деревья и кустарники в поэтическом тексте А. А. Ахматовой – это не дикорастущие растения, а питомцы садов, парков, культурные кустарники [6].

Приступая непосредственно к анализу дендронимов, следует отметить, что для мировой культуры в принципе и для русской литературной традиции в целом характерно восприятие дерева как проводника, медиатора между мирами: верхним, нижним и миром людей. В славянской мифологии дерево воспринимается и почитается как знак священного, сакрального места, имеющего уникальные свойства. Многие отдельные виды деревьев и кустарников: береза, дуб, рябина, калина – обладают собственными концептуальными характеристиками и метафорической образностью [3].

Итак, первая лексико-семантическая группа «Дикорастущие древесные растения и кустарники» представлена 25 наименованиями, перечисленными в порядке частотности употребления: клен, липа, тополь, ива, береза, сосна, ель, дуб, осина, вяз, кедр, ольха, ракита, саксаул, бузина, каштан, кипарис, лавр, лиственница, чинара, черкес. В эту же группу условно отнесены рябина, шиповник, терновник, можжевельник ввиду того, что в пространстве поэтического текста А. А. Ахматовой практически отсутствуют упоминания об употреблении плодов, фигурирует лишь цвет, форма, запах растений.

Группа «Плодоносящие древесные растения и кустарники» представлена 10 наименованиями (в порядке частотности употребления): виноград, гранат, яблоня, вишня, черешня, айва, олива, персик, крыжовник, черника.

Предваряя анализ лексико-семантических единиц, следует отметить, что в основу презентации систематизированного материала положен не принцип номинации, когда каждая лексико-семантическая единица рассматривается отдельно, а концептуально-функциональный, принимающий во внимание значение и метафорические отношения, объединяющие совокупность лексико-семантических единиц. Другими словами, систематизирующим фактором становятся сложные комплексы психоэмоциональных, географических, мифологических аспектов, характеризующих индивидуально-авторскую картину мира. Тем самым в рамках одного исследуемого концепта могут встречаться фитонимы разных групп, что в свою очередь позволяет расширить спектр вовлеченных в исследование конструкций с упоминанием деревьев и растений, выявить закономерности и индивидуальные предпочтения автора в трактовке лексико-семантических единиц.

В свою очередь уточним, что фитонимы в рамках поэтического текста могут вступать в различные семантические отношения, выступая и как элемент метафорических конструкций разного уровня вовлеченности (развернутых метафор, сравнений, перифраз, сложных эпитетов, элементов антропоморфной экстраполяции), и как часть «психологического пейзажа», транслирующего чувства и мысли героев.

Вся совокупность подвергнутых анализу дендронимов дифференцирована на несколько семантических комплексов, функционирующих в рамках отрицательных (пейоративных) коннотаций.

Характерно, что негативные характеристики в интерпретации дендронимов находятся в меньшинстве (менее 50% от рассмотренных конструкций с упоминанием дендронимов), что соответствует концепции благоприятного взаимодействия между миром природы и человеком, в котором любые негативные проявления воспринимаются как трагический разлад, нарушение привычного хода событий.

В интерпретации результатов анализа комплекса психоэмоциональных и когнитивных аспектов с негативными коннотациями следует отметить, что данный материал представляет достаточно интересный для исследователя дискурс, так как логически продолжает и развивает темы и проблемы, поднимаемые в раннем периоде творчества и характеризующиеся как комплексы с позитивной оценочностью. К таковым относятся темы любви, дома, творчества, однако на поздних этапах творчества они претерпевают существенные изменения.

Деформация и финализация любовного чувства

Тема любви трансформируется в тему расставания и анализа неудавшихся отношений. Таким образом, семантический ряд «предательство–разлука–рефлексия» выступает как реверсирующий по отношению к конструкциям с позитивной окраской. Намеки на разрыв отношений и финализацию чувств здесь предстают как свершившийся факт, как этап деформации, после которого наступает либо катарсис и просветление, либо эмоциональная смерть.

Отметим, что фоном действия выступает преимущественно урбанистический пейзаж, противопоставленный «дикому» состоянию рощи или леса, как искренние чувства на

ранних этапах зарождения отношений противопоставлены взаимодействию влюбленной пары на стадии разложения.

Закономерно, что среди дендронимов наиболее активную форму играют породы хвойных деревьев (ель, сосна), иногда без указания конкретного биологического вида («во мраке хвой», «хвойный лес»). Символизм такого пейзажа зиждется прежде всего на внешнем облике хвойных деревьев, суровом и мрачном, что в свою очередь не противоречит общепринятым интерпретациям ели и сосны как символов долголетия, долгой семейной жизни.

Для изображения картины вынужденного расставания А. А. Ахматова успешно прибегает к цветовому символизму: иглы хвои выделяются на фоне багрового заката, уснувший под белым снежным саваном лес [5]. Пейзаж насыщен разнообразными зловещими приметами (месяц, похожий на зазубренный нож, шорох камышей, похожий на поступь мертвеца, раскачивающийся на ветру алый вереск), тем самым наполняя обычную зарисовку метафорическим значением. В прямом значении, как часть ландшафта, хвойные деревья упоминаются лишь однажды, когда героиня упрекает возлюбленного, что он забыл «песни, озеро, сосны», тем самым вводя в контекст реальный пейзаж.

Клен – самое популярное по частотности употребления дерево в лирике А. А. Ахматовой – в данном психоэмоциональном комплексе приобретает отчетливые антропоморфные черты: тянет ветки, как руки, заглядывает в окно, шепчет слова поддержки, тем самым играя роль друга и утешителя на фоне будущих и настоящий трагичных событий. Возникающий образ соответствует традиционному символизму клена как символа защиты, руки помощи (о чем ассоциативно говорит «пятипалая» форма листьев клена). В данном случае метафорический символизм преобладает над прямым значением.

Традиционным символом «печали–разлуки–расставания» выступает ива. Символика этого дерева, как правило, связана с дуализмом жизни и смерти, так как ива была посвящена богине подземного мира Гекате, в западной культуре это дерево визуально воспринимается как символ плача и скорби. В то же время ивовые ветки и талисманы из ивы воспринимались как защита от злой силы [9]. Этот дуализм восприятия «жизни–смерти» встречается и у А. А. Ахматовой: ива, с одной стороны, подчеркнута женственна, антропоморфна («ива на небе... распластала веер»), и в то же время служит объектом мистификации, в художественном мире поэта ива выступает как медиатор между миром живым и мертвым. Это «дерево русалок», шелест ее ветвей ассоциируется с погребальным звоном, у корней собираются тени мертвецов, тени угасшей любви.

Среди деревьев, упоминающихся в данном контексте более одного раза, можно выделить липу. Липа, традиционно выступающая как символ женственности, мягкосердечия, в поэтическом мире А. А. Ахматовой предстает как средство, смягчающее боль от разлуки, невзирая на то, что метафорическое значение здесь в значительной степени редуцировано. В поле зрения поэта реальный пейзаж, где весенние ветки «ломаются в комнату» [2, Т. 3, с.77], сладко веет запахом липы, которая в данном контексте тесно связана с ушедшим, с ностальгией по минувшему, функция данного дендронима в поэтическом дискурсе – врачевание боли от утраты.

Среди единичных упоминаний фитонимов, обозначающих деревья первой группы, можно выделить (в порядке возрастания негативных коннотаций) кедр, дуб, ольху и ракиту. Во всех этих случаях в дискурсе возникает и транслируется реальный пейзаж, навевающий печальные мысли, при этом метафорическое значение возникает опосредовано, исходя из общего контекста лирического повествования. «Взволнованные кедры» у родника напоминают героине о вчерашнем свидании, в шкатулке резного дуба хранится заветное послание (здесь форма шкатулки трансформирует мотив дупла–тайника, служащего для обмена сообщениями и подарками), старая ольха у круглого колодца внимает слезам героини (метафорически окончание отношений выражается в образе убитой ревнивцем белой птицы). В последнем примере появляется характерный для романтизма образ

всадника, стремящегося в лунную ночь на свидание. Сень густых ракит, ночь, луна, стук копыт, крик хищных птиц, пустая смятая постель позволяет создать необходимое для повествования тревожное гнетущее настроение, что вполне соответствует традиционному символизму ракиты как эмблемы печали и одиночества.

Дендронимы второй группы, описывающей плодоносящие деревья и кустарники, в данном контексте встречаются редко и представляют собой часть идеалистического пейзажа, существующего только в памяти героини. В этом качестве характерно противопоставление будничных кустов крыжовника и смятения одинокой «горькой хмельной души».

Более сложные конструкции возникают при упоминании сразу нескольких фитонимов, например, смена времен года, воплощенная в цветении и плодоношении («а в августе зацвел жасмин, а в сентябре – шиповник»), позволяет вводить дополнительные темпоральные характеристики, отмечающие бег времени после разлуки.

Образ вишневых лепестков («снег летит, как вишневый цвет»), метафорически уподобляющимся погребальному савану, соединяется с образом шиповника, символизирующего постоянство интересов. Это подчеркивает трагизм ситуации, где развитие любовных отношений перечеркнуто смертью, реальной или эмоциональной.

Таким образом, деконструкция любовного чувства в интерпретации А. А. Ахматовой соотносится с разладом в окружающем мире. Дендронимы различных типов чаще всего выступают как защитники и утешители, они оказываются седативное воздействие на погруженную в переживания разрыва героиню. Наиболее «востребованными» оказываются деревья хвойных пород: ель, сосна, кедр, что, с одной стороны, вызвано спецификой их внешнего облика, сурового и мрачного, с другой стороны, подавляющее большинство хвойных деревьев в различных культурах имеет стойкую привязку к символике прочных и незыблемых отношений, семейных ценностей, что лишний раз подчеркивает трагизм происходящего.

Образ болезни и смерти

Менее распространены случаи, когда негативные коннотации не соотносятся непосредственно с эволюцией любовного чувства. Чаще всего среди концептов, попадающих в поле зрения поэта, появляются «тюрьма», «война», «бездомье», что, в свою очередь, соответствует реальному жизненному опыту А. А. Ахматовой: тюремному заключению сына, Великой Отечественной войне, эвакуации в Узбекистан, что позволяет воссоздать особый ностальгический тон в поэтическом дискурсе. Отметим, что в большинстве подвергнутых анализу случаев метафорическое значение преобладает над конкретно-вещным, ландшафтно-пейзажным значением.

В данном семантическом поле чаще всего встречается образ цветущей по весне липы, противостоящей подступающему хаосу, черным немецким орлам на штандартах [2], детским крикам, смягчающей ожидание тюремного свидания [1]. Интересным выглядит соотношение деревьев с конкретными историческими местами – А. А. Ахматова упоминает знаменитые липы Летнего сада, «шереметьевские» липы Москвы. Вновь подчеркнем, что на первый план выдвигается прежде всего садово-парковая архитектура городского пространства, где деревья и травы являются принадлежностью подвергнутого культивации пространства. Это цивилизационное значение обычных деревьев звучит особенно остро в условиях эсхатологического состояния прифронтового города.

Темой войны, эвакуации балансирует на грани отчаянья и философского спокойствия в принятии тягот лишений. В количественном составе стихотворения, включающие в состав дендронимы и посвященные теме войны, не превышают 3%, однако интерпретация самой идеи войны отличается единством стиля и метафорической образности, отсылаясь на идею единения между человеком и природой в моменты наивысшей скорби или наивысшей радости. Например, в осажденном Ленинграде лирическая героиня просит принести ей не хлеб, а ветку зеленого клена и горсточку невской воды [2].

Деревья разделяют чувства лирического героя, персонифицируются, тем самым приближаясь к активному субъекту повествования. Березы ждут и зовут на помощь, ель тянет искалеченные руки-ветки, призывая к мщению, плакучая ива оплакивает «друзей последнего призыва» [2, Т. 2, с. 207].

Искреннее возмущение вызывает зрелище оскверненной, истерзанной земли: горящие леса, затоптанные поля, вдовий плач, сопряженный со сладким запахом можжевельника, который традиционно выступает символом погребальных церемоний [2]. В противоположность этому освобожденная от врага страна покоится в тишине под белым снежным покрывалом, ветер колышет заснеженные ели. С образом зимы связан и воинственный образ спешащего на подмогу «Деда Мороза», выступающего как персонифицированное воплощение стихийных сил природы. Напротив, образ Победы воплощен в образе Весны, «вдовою», склонившейся над безымянной могилой, зарастающей одуванчиками [1, с. 208].

Кроме военной тематики, мортальная (смертная) символика реализуется в образе смерти и предвещающих ее муках. Например, в противоположность липе, выступающей символом утешения в «тяжкую годину», тополь выступает как составная часть концепта «страдание»: сожженный луной тополек кажется старинным распятием, неумолимо и зловеще качается тюремный тополь. Традиционным символом душевной пытки становится и образ венца из терновника, обгаряющий лоб «росою багровою» [2, Т. 2, с. 132], часто встречающийся в лирике А. А. Ахматовой. Близок к нему образ райского вишневого сада, являющийся измученной тоской душе на пороге смерти. Среди единичных случаев употребления фитонимов следует упомянуть «высокий клен», выслушивающий стоны лирической героини (датировка стихотворения 1921 годом соотносится с датой расстрела мужа Н. С. Гумилева).

Помимо внешних факторов, болезненное состояние тела и души также воспринимается как трагедия, как свидетельство разрыва между природой и человеком. «Жар по вечерам», утренняя вялость, постоянная жажда, потрескавшиеся губы, вынужденная неподвижность тяжелобольного противостоят картинам, сохраненным в памяти: мохнатые лапы елок, отражение месяца в канале манят одоленного немощью человека утраченными возможностями бежать, идти, двигаться. Предчувствие скорого конца, обозначено лишь намеком, но образ смерти неизменно присутствует в лирике А.А. Ахматовой. Собственно, этот мотив выступает апогеем негативных коннотаций, аккумулируя в себе весь комплекс атмосферы распада и увядания. Символика смерти просматривается и в фитонимах, сопровождающих эволюцию любовного чувства, но гораздо сильнее мотив безвременной кончины воздействует на потенциального читателя, если он не соотносен с преходящими чувствами.

В данном дискурсе часты фольклорные мотивы, усилено повествовательное начало. Сюжет лирического стихотворения содержит неожиданные повороты, внезапные события. Для примера можно привести два примера: стихотворения «А там мой мраморный двойник...» и «Сероглазый король». В первом случае мысленный монолог влюбленной героини завершается страшным признанием, что убийцей возлюбленного выступил старший брат. Во втором – имя убийцы не названо, но, по косвенным признакам, очевидно, что мотивом послужила ревность мужа. И в том, и в другом случае природа выступает на стороне убитой горем героини: старый клен охраняет памятник на могиле (в балладе о сероглазом короле безжизненное тело охраняет дуб), старые ели внимают исповеди, тревожно шелестят тополя. Природа антропоморфна, она соответствует по тональности и настроению погруженному в горе человеку. Обратный эффект также присутствует: героиня желает умереть, «как береза в поле», сетует, что в последний путь ее проводит лишь «хвойная ветка да солнечный стих» [2, Т. 2, с. 256].

Сходные мотивы встречаются в стихотворениях «Милому», где отошедшая в мир иной «под шатром тенистых тополей» героиня обещает прийти на свидание «серой белкой, ласочкой пугливой, лебедью», и «Но я предупреждаю вас», где посмертное существование души трансформируется в образах «ласточки, клена, тростника, звезды, колокольного

звона» [1, с. 202]. Иногда образы усложняются за счет введения дополнительных сюжетных деталей, постепенно подготавливая лирического героя к свиданию с потусторонним миром: грозно шепчутся дубы на полуночной сходке, ковыляет по полю старушка-береза, и, наконец, за заиндеветым окном, в мутной зимней измороси мелькает чья-то тень. Взаимосвязь белого, зимнего и потустороннего мира несомненна, так как в символической палитре А. Ахматовой белый тесно связан с бестелесностью, а зима со смертью [5].

Однако зима не единственное время сопряжения разных сфер бытия, например, традиционный траурный символ – кипарис – обрамляет несчастную историю любви, случившуюся под знойным крымским небом, как символ сломанного хода времени выступает внезапное майское цветение липы, оно предвещает смерть поэта, которого Муза уводит по усыпанному золотой пылью пути.

Образы мортальной (смертной) символики разнообразны, это и светлые аллеи белоствольных тополей, и покосившиеся деревянные памятники на сельском кладбище (явная аллюзия к хрестоматийному образу романтической литературы), и срубленное дерево, которые, в силу своей сопричастности природе, героиня воспринимает как смерть брата.

Визуальные эффекты в лирике А. А. Ахматовой подкреплены звуковыми: свистом вьюги, смертоносным «круладами» бурь, охраняющих снежные клады сосны.

Комплекс конструкций с негативными коннотациями закономерно затрагивает тему болезни и смерти, которая звучит тем более остро, что сам мир природы более долговечен и незыблем, чем персонажи лирического повествования. В стихотворениях этой группы усилены сюжетно-фабульные элементы, подчеркнута мистическая сторона деревьев как медиаторов между миром живых и мертвых. С особой силой звучит тема войны и существования прифронтового города, тема оскверненной и поруганной природы, метафорически экстраполированной на мир людей.

Таким образом, конструкции с упоминанием дендронимов с негативными коннотациями продолжают и развивают темы, заявленные в ранних периодах творчества: образ любви деформируется в образ разлуки, тоски, рефлексии по ушедшему. Образ дома сменяется картинами разоренного родового гнезда, дополненного темой болезни, как внешней, так и внутренней, духовной опустошенности. Компилацией негативных коннотаций выступает образ смерти, обретающей черты локального Апокалипсиса, природной катастрофы. Именно в данном комплексе обретает отчетливые очертания образ Мирового древа, соединяющего мир мертвых и мир живых, преодолевающий разъединенность различных пластов реальности. Закономерно, что подавляющая часть образов с негативной оценочностью относится к позднему периоду творчества.

Заключение

Обширный арсенал лексических средств, воссоздающий образы природных реалий, позволяет выявить основные тенденции в отборе и использовании лексических средств для формирования пейзажных зарисовок. В свою очередь психологический пейзаж и метафоризация конструкций с упоминанием деревьев и кустарников помогают эксплицировать эмоциональный мир личности. Так как мастер поэтического слова, как правило, весьма избирателен в использовании и трактовке определенных образов, это позволяет судить о системе приоритетов автора и его сопричастности к национальной и мировой культуре.

Суммируя все сказанное выше, можно сделать ряд заключений сообразно поставленным задачам:

1. Индивидуально-авторская модель восприятия мира в лирике А. А. Ахматовой постулирует сопричастность человека к окружающему миру и мира – человеку, образ дерева позволяет реконструировать образ Мирового Древа как медиатора между различными пластами реальности (верхний мир, мир людей, нижний мир).

2. Анализ позволяет выявить большое разнообразие видов растений, функционирующих в поэтическом дискурсе, для удобства исследования они могут быть поделены на две группы: «Дикорастущие деревья и кустарники» (клен, липа, тополь, ива, сосна, береза и

др.), «Плодовые деревья и кустарники» (виноград, яблоня, гранат и др.). Характеристика растений может включать в себя различные параметры: цвет, форму, сезонные и географические особенности, присутствует антропоморфизм описания: «белый траур черемух», «осень развесила флаги на вязах», «вцепился в пески саксаул».

3. Комплекс негативных коннотаций, интерпретирующих традиционные значения дендронимов в контексте индивидуально-авторского восприятия, позволяют выделить основные концепты, базирующиеся на символике растений. Темы с позитивной символикой соотносятся с данным комплексом по принципу хронологического развития: эволюция любовного чувства находит закономерный итог – расставание, образ дома сменяется образом скитаний, болезни, разрухи; мир сменяется войной, жизнь оборачивается своей противоположностью – смертью.

4. Характеризуя лексико-грамматическую специфику текстового отображения дендронимов, следует отметить, что в поэтическом дискурсе соблюдается грамматическая категория рода, растения мужского и женского пола соотносятся со словами, сопровождающими соответствующую категорию, при этом наблюдается высокая степень соматизации, уподобление фитонимов человеку в отдельных аспектах его деятельности: «сосен розовое тело», «сумасшедшая липа».

5. Особенности смысловой интерпретации дендронимов позволяют выявить две тенденции: «метафоризация», использующая перенос соматических и антропоморфических черт между человеком и растением и «психологического пейзажа», помогающий эксплицировать чувства и эмоции героя во внешний мир. В первом случае номинация фитонима используется как символ, эмблема, во второй – элемент растительного мира вписан в пейзаж, вступая во взаимоотношения с другими деталями: небом, землей, солнцем.

6. Помимо традиционных трактовок дендронимов, в лирике А. А. Ахматовой возникают и развиваются индивидуально-авторские семантические комплексы: понятие «психологического пейзажа», реализующего экстраполяцию чувств и эмоций через пейзаж, активное использование урбанистического пространства для создания противопоставления естественного и прерванного развития любовного чувства, деревья как медиаторы-посредники и духовные наставники персонажей, тщательное выписанная, антитеза «война и мир».

Таким образом, образ дерева в лирике А.А. Ахматовой представляет собой сложный лексико-семантический концепт, используемый для трансляции разнообразных оценочных, экспрессивных и эстетических смыслов, балансирующих между трактовками общекультурного наследия и индивидуально-авторского мировосприятия, постулирующего сопричастность человека и мира природы.

Л и т е р а т у р а

1. Ахматова, А. Бег времени : избранные произведения / А. Ахматова. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 384 с.
2. Ахматова, А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Т. 2. Ч. 1-2. Стихотворения (1904-1941) / А.Ахматова. – Москва : Эллис Лак, 1998. – 709 с.
3. Исакова, А. А. Состав, структура и функции лексико-семантической группы «дендронимы» в художественном тексте начала XX века (на материале поэзии Серебряного века) : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Исакова Анастасия Андреевна. – Курск, 2011. – 23 с.
4. Летова, А. М. Семантические особенности фитонимов в русском языке : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Летова Анна Михайловна – Москва, 2012. – 23 с.
5. Папшева, Г. О., Глушкова, О. В. Колоративные эпитеты в ранней лирике А. Ахматовой / Г. О. Папшева, О. В. Глушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2019. – № 4. – С. 41–44.
6. Полякова, А. Н. Метафоризация природы в лирике А. А. Ахматовой / А. Н. Полякова, Н. А. Сегал // Интерактивная наука, 2022. – №11 (76). – С. 40–49.
7. Прякина (Исакова), А. А. Структурная организация лексико-семантической группы «Дендронимы» с позиций системно-функционального подхода (на материале поэзии Серебряного

века) / А. А. Пряхина (Исакова) // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание, 2010. – № 2. – С. 213–217.

8. Соколова, М. Г. Семантическое своеобразие тропов «дерево – животное» в русской лирике XIX–XX веков / М. Г. Соколова // Поволжский педагогический вестник, 2019. – № 2 (23). – С. 106–110.

9. Турскова, Т. А. Новый справочник символов и знаков / Т. А. Турскова. – Москва : РИПОЛ-КЛАССИК, 2003. – 800 с.

10. Фатюшина, Е. Ю. Национальные особенности употребления фитонимов в художественном тексте / Е. Ю. Фатюшина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2013. – № 4. – С. 421–426.

11. Шарафадина, К. И. «Селам, откройся!» Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 544 с.

References

1. Akhmatova A. Selected works: Running of time. St. Petersburg: Azbuka, 2018:384 (in Russian).
2. Akhmatova A. Collected works: in 6 volumes. Vol. 1. Poems (1904-1941). Moscow: Ellis Luck, 1998:709 (in Russian).
3. Isakova AA. The composition, structure and functions of the lexico-semantic group “dendronyms” in the literary text of the early XX century (based on the material of poetry of the Silver Age). Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Kursk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2011:23 (in Russian).
4. Letova AM. Semantic features of phytonyms in the Russian language. Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Moscow: Moscow State Regional University, 2012:23 (in Russian).
5. Papsheva GO, Glushkova OV. Colorative epithets in the early lyrics of A. Akhmatova. Vestnik Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2019;4:41-44 (in Russian).
6. Polyakova AN, Segal NA. Metaphorization of nature in Anna Akhmatova’s lyric poetry. Interactive science, 2022;11:40-49 (in Russian).
7. Pryahina (Isakova) AA. The structural organization of the lexico-semantic group “Dendronyms” from the standpoint of a system-functional approach (based on the material of poetry of the Silver Age). The Bryansk State University Herald. History. Science of Literature. Law. Philosophy. Linguistics, 2010;2:213-217 (in Russian).
8. Sokolova MG. Semantic features of the tropes “tree – animal” in Russian poetry of 19th-20th centuries. Volga Region pedagogical scientific journal, 2019;2(23):106-110 (in Russian).
9. Turskova TA. The new handbook of symbols and signs. Moscow: Ripol-Classic, 2003:800 (in Russian).
10. Fatyushina EYu. National peculiarities of using phytonyms in fiction. Izvestiya Tula State University. Humanities, 2013;4:421-426 (in Russian).
11. Sharafadina KI. “Selam, open up!” Floropoetics in the figurative language of Russian andforeign literature. St. Petersburg: Nestor-history, 2018:544 (in Russian).

ПАПШЕВА Галина Олеговна — к. филол. н., преподаватель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко».

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Galina O. PAPSHEVA — Cand. Sci. (Philology), Lecturer at the Department of Russian language, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University.

ГОЛУБЦОВА Надежда Васильевна — преподаватель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко».

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

Nadezhda V. GOLUBTSOVA — Lecturer at the Department of Russian language, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University.

МАТВЕЕВА Ольга Николаевна — преподаватель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко».

E-mail: kashkolga@yandex.ru

Olga N. MATVEEVA — Lecturer at the Department of Russian language, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University.